

© А.Е. Загребин

БЕРНАТ МУНКАЧИ И ВЕНГЕРСКОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.*

В статье представлена хронология научных поисков венгерского лингвиста и этнографа – финно-угроведа Берната Мункачи (1860–1937). Первая научная поездка Б. Мункачи состоялась летом 1880 г. к венграм, говорящим на чангошском диалекте в Молдове. Маршрут экспедиции 1885 г. привел его к разным этнографическим группам удмуртов. Самой длительной была поездка 1888 г. на Северный Урал и в Западную Сибирь к обско-угорским народам. Отдельное место занимает анализ его собирательской работы среди военнопленных в годы Первой мировой войны. Автор-составитель фундаментальных сводов произведений народной поэзии и этнографических текстов об удмуртах и манси, Мункачи вошел в историю финно-угроведения как один из первопроходцев полевых исследований и ученый-гуманист.

Ключевые слова: Бернат Мункачи, финно-угроведение, Венгрия, удмурты, обские угры, полевые исследования, Первая мировая война.

В декабре 1928 г., выступая на годичном собрании Финно-Угорского Общества с докладом о роли мировой войны в судьбах родственных финнам народов профессор Хельсинкского университета Ю. Вихманн, рассказал о научных результатах, полученных учеными в ходе работы в лагерях для военнопленных (Wichmann 1930). Тогда же прозвучало имя венгерского исследователя Берната Мункачи, собиравшего фольклорно-этнографические материалы среди российских солдат, бывших в плену на территории Австро-Венгрии.

Путь в науку: Мунк=Мункачи

Бернат Мункачи (Дов-Бер, Бернхард Мунк) родился в 18-й день месяца Адар (12 марта) в трансильванском г. Надьварад (ныне г. Орадя, Румыния) в семье, чьи предки, издавна жившие в Верхней Венгрии, придерживались ортодоксального иудаизма. Приняв хунгаризированную форму семейной фамилии, он оставался верен религии Моисея и, будучи уже известным ученым, совмещал науку с должностью инспектора еврейских школ Пештского округа (Kozmács 2010: 173). В период обучения в гимназии Мункачи показал способности к языкам, успешно занимаясь турецким, а в Будапештском университете освоил русский язык.

Загребин Алексей Егорович – д.и.н., проф. РАН, главный научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: zagreb72@izh.com. **Zagrebin Alexey E.** – Institute of Ethnology and anthropology, RAS (Russia, Moscow, Leninsky pr. 32-A). E-mail: zagreb72@izh.com.

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Многообразие культур и стратегий развития. Институты и управление в полиэтничных обществах». Подтема «Европейский и американский образы жизни в диалоге культур».

Как и многих интеллектуалов тех лет, начинающего филолога увлекали рассказы о странствиях по восточным странам его соплеменника, «хромого дервиша» – А. Вамбери, того, что искал в Центральной Азии следы древних венгров (*Вамбери* 1885, *Vámbéry* 1885). Не меньше пища для размышлений давали лекции приглашенного в Венгрию немецкого лингвиста Й. Буденца, учеником которого он стал. По примеру наставника Мункачи старался не замыкаться в узкой специализации, в равной степени погружаясь в корпус алтайских, кавказских и индоевропейских языков, но больше его занимали вопросы венгерской диалектологии. Буденц смог убедить многих влиятельных венгров в финно-угорском происхождении их языка, но сторонников точки зрения о тюркских корнях оставалось достаточно¹. «Тюрко-угорские войны» в венгерском языкознании и политике, требовали притока качественных фактических данных, делая экспедицию необходимым элементом профессионального становления научной молодежи.

Первая поездка Б. Мункачи и его товарища И. Куноша в поисках живого народного слова состоялась летом 1880 г. к венграм, говорящим на чангошском диалекте в Молдове. Знакомство с жизнью людей в самой что ни на есть натуральной обстановке дало им возможность собрать языковой материал в среде его бытования. Нахождение в контакте с носителями языка делало более понятным происхождение и применение тех или иных слов, идиоматических выражений и фольклорных произведений. Он писал: «Множество неудобных, опасных моментов сменялось минутами радости. Как бы то ни было, я исключительно рад успешно пройденному пути, поскольку, не считая привезенного нами ценного материала, я освоил большую науку, имя которой – практичность, приспособление к различным условиям и людям – я считаю, что смогу получить пользу от предстоящего, возможно, еще большего по важности пути» (*Kozmács* 2008: 188–189). С этим знанием прошли его дальнейшие экспедиции к удмуртам и обским уграм, превращая трудолюбивого перспективного ученого юношу в самостоятельного исследователя.

Экспедиции к удмуртам и обско-угорским народам

В конце апреля 1885 г., командированный Венгерской академией наук, Б. Мункачи приехал в Казань, снискавшую заслуженную славу научного центра, через который шла дорога к родственным народам Востока (*Загребин* 2005). За сорок лет до этого по ней прошел А. Регули, чьи нерасшифрованные дневники стали легендой при жизни пионера венгерского финно-угроведения (*Kodolányi* 1968). Но, прежде чем подступиться к западносибирским собраниям, он, очевидно, хотел получить опыт исследований в переходных условиях Волго-Камья, где современные тенденции сосуществовали с развитой инфраструктурой народной традиции. Удачной представлялась ситуация с удмуртским языком, как писал Мункачи: «До сих пор сведения о вотяцком языке происходили, как правило, основываясь на переводных текстах, часто религиозных по содержанию. Оригинальные языковые данные в достаточном количестве появились лишь за два года до этого в издании Казанского миссионерского

¹ Много лет Й. Буденц работал над составлением сравнительного венгерско-угорского словаря / Budenz J. Magyar. – ugrisches vergleichendes Wörterbuch. Pest, 1873–1881., внесшего большой вклад в победу «угорской партии», над сторонниками тюркской теории происхождения венгров (*Korhonen* 1987–1988: 121–122, *Загребин* 2009).

общества под названием «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний»². Кроме того, полиэтничный регион представлял возможность для сопоставительных наблюдений за языками, как финно-угорскими, так и тюркскими.

Наладив товарищеские взаимоотношения с казанскими филологами и этнографами, Мункачи проштудировал все основные труды, касавшиеся предмета предстоявших ему изысканий, начиная с удмуртской грамматики Ф.И. Видеманна (*Wiedemann* 1851). Предусмотрительно он заручился поддержкой директора Казанской учительской (инородческой) семинарии Н.И. Ильминского, много лет готовившего миссионеров и учителей для распространения православного вероучения и грамотности среди народов Среднего Поволжья (*Ислаев* 2005). Профессор Ильминский вскоре познакомил венгерского коллегу со своим учеником, семинаристом-удмуртом Н.И. Ивановым, которому предстояло стать экспедиционным проводником и переводчиком Мункачи³. Не меньшую помощь ему оказал ученый секретарь Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете С.К. Кузнецов, который в преддверии отъезда в Томск консультировал Мункачи как один из признанных в этнографическом сообществе специалистов по народной культуре восточных финнов (*Попов* 2005). Известный библиофил, он обратил внимание молодого коллеги на новейшие публикации, касавшиеся удмуртской этнографии, особо отметив работы Б. Гаврилова, Г.Н. Потанина и А.Ф. Риттиха (*Pumtich* 1870, *Кузнецов* 1884). С учетом своего опыта и знания хитросплетений российской бюрократии, он помог Мункачи выстроить поведенческую парадигму в поездке, равно формируя круг его чтения до и после удмуртской экспедиции.

Маршрут экспедиции к удмуртам вел Мункачи от пристани уездного г. Сарапула к первой длительной остановке в с. Люк. Далее был Мултан в Малмыжском уезде, откуда, повернув на север, он поехал в Зуру и Балезино к глазовским удмуртам. В Шаркане он познакомился с тогда только помощником учителя, а через некоторое время первым удмуртским этнографом Г.Е. Верещагиным, чьи труды были отмечены медалями ИРГО (*Загребин, Владыкин* 2004: 19). Вернувшись в Сарапул и переправившись на другой берег Камы, чтобы побывать в удмуртских деревнях на

² В цитате автор указывает сборник удмуртского фольклора – «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний Записаны, переведены и изложены Борисом Гавриловым во время его командировки в Вотяцкие селения Казанской и Вятской губерний». Издание православного миссионерского общества. Казань: тип. А.А. Коковинной, 1880 (*Munkácsi* 1883–1884).

³ Б. Мункачи описал свое знакомство с будущими «местными помощниками» так: «...к этому времени в семинарии удмуртских учащихся было трое. Ко мне Ильминский приставил как знатока удмуртского языка одного из них – Николая Ивановича Иванова, который затем и стал лучшим моим другом и, спутником и сподвижником. Выходец из Сарапульского уезда, довольно высокого роста и весьма простой на вид молодой человек, он в семинарии был одним из наиболее прилежных и, наверное, одним из самых интеллигентных учащихся из всех удмуртов; он основательно знал свой язык, целиком и полностью проникся целью моего приезда, программой моей работы, в которой проявил себя отличным знатоком. Его знания я целиком мог использовать с самого начала, ибо он хорошо разбирался в русской грамматике, понимал и тончайшие особенности родного языка. Казалось, он и сам радовался, что может знакомить с особенностями своего народа... Впрочем, он и сам принимал участие в моей работе, массу ценного материала записал по заранее составленной мной схеме. Николай чрезвычайно много рассказывал о языческом мире и обычаях своих земляков, и я вскоре принял решение, что к концу мая, как только Николай закончит экзамены, поеду с ним к нему на родину...» (*Уваров* 1983: 42).

башкирских землях, он старался максимально широко охватить этнический и языковой ареал удмуртов. Конечным этапом его трехмесячного путешествия стала работа среди елабужских удмуртов, откуда он отправился назад в Казань, сердечно простившись со своими помощниками.

Многому научился Мункачи в поездке к удмуртам, что особенно важно: методике работы в поле, поскольку на тот момент общепринятых моделей просто не существовало. Обычно процесс сбора языкового материала происходил следующим образом: после приезда на место, ученый с помощью местного сопровождающего, если позволяло время, налаживал неформальные контакты со своими информантами (*Козмач, Егоров 2015: 174–175*). Так он выбрал с. Люк и его окрестности, родину Н.И. Иванова, где можно было остановиться надолго и опереться на родственные связи своего помощника. Сложно ему приходилось во время кратких остановок на два-три дня в удмуртских деревнях на Чепце, на Вятке, в языческих селениях на р. Буй и на Тойме, когда поиск общего фактора сводился к использованию рекомендательных писем, что были заранее подготовлены. Приходской священник или сельский учитель в этом случае брали на себя посреднические функции в поиске знатоков народного слова. Собиратель предварительно договаривался с информантами о том, что он ожидает от них и какое вознаграждение они получают за «говорение»⁴. Запись вели совместно ученый и его помощник, затем последний формировал текст, придавая форму тому, с чем будет работать исследователь далее. Мункачи использовал еще такой прием: просил информанта рассказать, к примеру, сказку на русском языке (чтобы понять ее содержание), а потом под запись пересказать ее по-удмуртски. Он фиксировал имя и фамилию информанта, место жительства, о некоторых есть более подробные сведения в его дневнике. Вместе с записью фольклорных текстов, в блокноте Мункачи можно найти диалоги и отдельные выражения, которые можно отождествить с его попытками записать разговорный язык. Стремление к объективности собираемого языкового материала было подчеркнуто той тщательностью подбора информантов, с которой находились мужчины разных возрастов и девушки, не вступившие в брак, что обеспечивало качество выборки. Согласно удмуртским традициям, женщин брали замуж, как правило, из соседних деревень, из иных родов/воршудов. Соответственно, они могли быть носителями другой языковой культуры и духовной информации, нежели их мужья и дети.

Редкая работоспособность, неизбывный оптимизм и способность к анализу массы данных позволили Мункачи в короткий срок обработать обширный материал удмуртской экспедиции, что было непросто, беря в расчет отсутствие методики транскрибирования финно-угорских текстов, записанных со слов информантов. В итоге появился сборник произведений устного народного творчества удмуртов и позже – словарь удмуртского языка (*Munkácsi 1887, Munkácsi 1890–1896*). Приобретенные навыки продвигали повзрослевшего ученого к главной цели – к скрытым под спудом

⁴ Во внутренних областях России, где крайне узок был слой образованных людей, – учителя, чиновники, врачи, земские деятели и даже ссыльные нередко объединялись в краеведческие общества, либо работали самостоятельно в надежде когда-либо опубликовать собранный ими полевой материал. Некоторые из них стали «местными помощниками» профессиональных этнографов. Помощь Б. Мункачи и К. Папая в 1888–1889 гг. работавшим среди манси и хантов, оказывали политические ссыльные, контактировавшие с коренным населением. Несмотря на противодействие полицейских властей, в Березове и других населенных пунктах Нижнего Приобья они записывали тексты, работали переводчиками и собирали этнографические коллекции для венгерских ученых (*Роцевская, Чернышева 1987: 111–112*).

непонимания фольклорно-этнографическим собраниям А. Регули (Загребин 2006: 253–280). Сыграло свою роль и увлечение его наставника, Й. Буденца, обско-угорским наследием Регули, который, являясь по большей мере кабинетным ученым и преподавателем, направлял своего ученика по пути полевого исследователя.

В марте 1888 г. Б. Мункачи, вместе с венгерским антропологом К. Папаи, отправился в длительную экспедицию в Западную Сибирь, имея при себе, обеспечивающие понимание местных властей, рекомендательные письма влиятельных персон, включая напутствие академика-тюрколога В.В. Радлова. На северном Урале в Никито-Ивделе он впервые встречает манси. Переезжая из одной деревни в другую, перемещаясь по Лозье, Тавде, Конде и Пелыму, Мункачи постепенно проникал в запутанный мир «Регулианы», по следам мансийских песен и сказаний (Слинкина, Ромбандеева 2015). В январе следующего года он останавливается в Березове, чтобы привести в порядок записи и расшифровки, удивляясь обилию текстов героического эпоса обских угров и медвежьего обрядового цикла. Завершением пути продолжительностью полтора года стала остановка в полюбившейся ему Казани, где еще больше месяца Мункачи разбирал и систематизировал свои экспедиционные материалы (Munkácsi 1978: 151–153). Масштаб проделанной им работы был настолько впечатляющим, что в год своего тридцатилетия Мункачи был избран членом-корреспондентом Венгерской академии наук.

Дальнейшая судьба Б. Мункачи была отмечена радостями и трудностями, пусть не самой щедрой на деньги, но наполненной научными достижениями жизни. Хотя ему не пришлось возглавить кафедру финно-угорского языкознания в Будапештском университете, по качеству публикаций, их объему и новаторству подходов он превзошел многих ученых-современников. Будучи, прежде всего, лингвистом, Мункачи стремился увидеть в слове не просто форму, а смысл, включенный в культурный и социальный контекст. Интерес к народному быту, проявившийся с первой экспедиции, вошел в практическую плоскость в 1894 г., когда Венгерское этнографическое общество предложило ему стать соредктором журнала “Ethnographia”. Дело было в том, что, опираясь на опыт полевой работы, Мункачи нашел свою «этнографическую нишу», когда в отличие от коллег, увлеченных изучением хозяйственных типов, он начал писать на темы обрядовой культуры и мифологии (Munkácsi 1891, Munkácsi 1892). В 1900 г. с другом юности И. Куношем он основал и редактировал журнал “Keleti Szemle” (Восточное обозрение), на страницах которого проявились его обско-угорские интересы и новое направление поиска, связанное с этноязыковыми контактами финно-угров и индо-иранцев (Munkácsi 1905, Munkácsi 1906, Munkácsi 1909). Монографическое продолжение этих идей появилось в виде семисотстраничного труда, посвященного индо-арийским и кавказским элементам в финно-угорских языках (Munkácsi 1901). Еще ранее он обратил внимание на сравнительные перспективы финно-угорских и самодийских исследований (Munkácsi 1893). Новаторство Мункачи с некоторым сомнением было встречено венгерскими лингвистами тех лет, но время подтвердило, что им было взято верное направление. Вместе с тем, он не расставался с тюркологией, продолжая начатое в молодые годы изучение этимологии, выявляя древнетюркский пласт в венгерском языке, рассматривая слово в объеме истории и, по возможности, в этнографических реалиях.

В компаративном подходе и междисциплинарности Мункачи видел залог успеха проводимых уже немало лет поисков угорской прародины (Munkácsi 1905). Неслу-

чайно в докладе, прочитанном в 1910 г. по случаю избрания членом Венгерской академии наук он указывал необходимость создания сравнительного словаря уральских и алтайских языков как верного средства для этнолингвистических изысканий.

Лагерная этнография

Весной 1915 г. у ворот лагеря военнопленных в местечке Кенермезё неподалеку от г. Эстергом появился пожилой господин в гражданском костюме. Поговорив с комендантом, в сопровождении дежурного офицера он прошел к бараку, в котором помещались пленные солдаты русской армии. К его приходу небольшая группа заключенных была построена. К удивлению собравшихся, гость обратился к солдатам на удмуртском языке (*Мункачи* 1983: 72). Это был профессор Б. Мункачи.

Решением руководства Венгерской академии наук группа филологов и этнографов была сориентирована на работу с пленными, представителями родственных народов⁵. Определяющую роль в записи народнопоэтических произведений и этнографических сведений в лагерях сыграл сам Мункачи, имевший дело, преимущественно, с удмуртами и его ученики: А. Клемм, работавший с мордвой, Э. Беке – с марийцами и Д.Р. Фокош-Фукс – с коми и коми-пермяками (*Beke* 1938, *Fuchs* 1915–1916, *Fuchs* 1916–1917). Параллельно с венграми, фиксацией финно-угорского фольклора в лагерях занимались сотрудники Королевской Прусской Фонографической комиссии под руководством В. Дёгена и их коллеги из Австрии – этнолог Р. Пёх и композитор Р. Лах (*Zagrebina, Šmigel', Žerebtsov* 2017). Война еще не утихла, когда из печати вышли два сборника, в которых был сделан предварительный анализ марийских, чувашских, эстонских, мордовских, коми-зырянских и коми-пермяцких песен (*Lach* 1917, *Lach* 1918). Основная расшифровка, перевод и публикация объемного рукописного материала проводились уже в послевоенное время.

Небезынтересно, каким образом была построена исследовательская деятельность в таком, казалось бы, далеком от науки месте, как лагерь для военнопленных. К счастью, Б. Мункачи оставил подробное описание своей методики в подробных отчетах Венгерской академии наук. Согласно первоначальному плану, он должен был приступить к занятиям с военнопленными в марте 1915 г., но вспыхнувшая в лагере эпидемия вынудила отложить их до конца весны. Новая трудность обнаружилась уже на месте – из 39 военнопленных-удмуртов, значившихся по списку, в лагере оказалось только 11. Остальных отправили на сельскохозяйственные работы в разные комитаты Венгрии. Тем не менее, Мункачи, сняв квартиру в Эстергоме, с семи часов утра приступал к работе и с часовым перерывом на обед трудился примерно до пяти часов пополудни. К радости ученого, пять информантов были грамотными и вскоре начали самостоятельно записывать со слов товарищей тексты песен, легенд и сказаний. Такая постановка дела позволяла ему отлучаться в столицу для

⁵ Д.Р. Фокош-Фукс впоследствии писал: «Для нас стало большой новостью, что уже в первый год мировой войны среди многочисленных русских военнопленных, размещенных преимущественно в лагере в Эстергоме, были солдаты, родной язык которых, как удалось установить, был одним из финно-угорских или тюркских. Таким образом, появилась возможность изучать языки военнопленных здесь на месте. Венгерская Академия наук сделала все возможное, чтобы использовать этот благоприятный случай для изучения финно-угорских и тюркских народов. К счастью, военная администрация быстро пошла навстречу и предоставила доступ лингвистов к упомянутым категориям военнопленных» (*Fuchs* 1952: 5).

исполнения обязанностей школьного инспектора. После летнего отдыха, Мункачи вновь приезжает в Эстергом в конце августа 1915 г. и работает с военнопленными до января следующего года по три дня в неделю, стараясь уделять больше внимания носителям разных диалектных форм языка из разных губерний. Такая возможность появилась в ноябре-декабре с прибытием в лагерь новых пленных, среди которых были удмурты, после ухода русских войск из Польши и Галиции. Но, прежде, не желая сбавлять набранных темпов, он убеждает военную администрацию дать разрешение на перевод в Будапешт наиболее ценных информантов, трудоустроивая их и продолжая в свободное время работать с удмуртскими текстами (Денисов 2015). Третий период пребывания Мункачи в лагере занимает время с ноября 1916 г. до начала 1917 г., после чего весной он переключается на сбор осетинских материалов.

Около двух лет продолжалась работа Б. Мункачи с военнопленными-удмуртами. Его внимание поглощало все: песни, сказки, мифы, легенды, предания, загадки, пословицы, приметы, поверья, заговоры, рассказы этнографического и бытового содержания (Владыкин 1987: 27–28). Богатый материал, собранный за многие годы, включая записи военнопленных, нашел отражение в семисот страничном томе «Народные обычаи и народная поэзия удмуртов», изданном Финно-Угорским Обществом уже после Второй мировой войны (Fuchs 1952). Заслуга подготовки столь значимого труда принадлежит ученику Мункачи – Д.Р. Фокошу-Фуксу.

Сейчас трудно сказать, все ли они шли на контакт с наукой добровольно, но личное участие Б. Мункачи в этом проекте, несомненно, повлияло на готовность военнопленных стать информантами. Он помогал пленным получать дополнительный паек, добивался перевода на облегченные работы, что при тяжелом физическом труде и недостаточном питании было немаловажно⁶. Самое главное, он вселял веру в ценность их собственной культуры, в конечном счете, самой жизни и человеческого достоинства. Скорее всего, в тех поступках было много личного. В юности ему также приходилось преодолевать барьеры общественных предубеждений, отстаивая свое право на профессиональный выбор, а в зрелые годы – на гражданскую позицию.

Источники

- Мункачи 1983 – Мункачи Б. В лагере военнопленных в Эстергоме // *Подарок Мункачи. Песни и сказания*. Ижевск: Удмуртия. 1983. С. 70–79.
- Слинкина, Ромбандеева 2015 – *Månъси mǎxum pēs йис эргыт = Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888–1889 гг.* / авт.-сост. Т.Д. Слинкина, отв. ред. Е.И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 232 с.
- Уваров 1983 – *Подарок Мункачи. Песни и сказания* / сост. и автор предисловия А.Н. Уваров. Ижевск: Удмуртия, 1983. 187 с.
- Fuchs 1915–1916 – Fuchs D.R. Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogoly-tanulmányok ügyében. *Keleti Szemle*, 1915/1916. Kt. 16. Ol. 261–262.
- Fuchs 1916–1917 – Fuchs D.R. Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifoglyokkal való nyelvi tanulmányairól. *Keleti Szemle*, 1916/1917. Kt. 17. Ol. 228–230.
- Fuchs 1952 – *Völkisbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi* / Herausgegeben von D.R. Fuchs. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 1952. Vol. 102.
- Munkácsi 1883–1884 – Munkácsi B. Wotják nyelv tanulmányok. *Nyelvtudományi Közlemények*,

⁶ В 1958–1960 гг. научный сотрудник Удмуртского НИИ истории, языка и литературы Г.А. Архипов вел переписку с земляками и родственниками некоторых информантов. Все воспоминания о венгерском ученом были положительными: бывшие пленные высказывали глубокую благодарность за помощь и поддержку в трудное для них время (Архипов 1987).

- 1883–1884. Kt. 18. Ol. 428–447.
- Munkácsi* 1887 – Munkácsi B. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 319 ol.
- Munkácsi* 1890–1896 – Munkácsi B. *A votják nyelv szótára*. Kt. 1–4. Budapest, 1890–1896.
- Munkácsi* 1891 – Munkácsi B. A medveeskü népszokása a vogulknál. *Hunfalvy Album*, 1891. Ol. 113–136.
- Munkácsi* 1892 – Munkácsi B. A votjákok közt. *Ethnographia*, 1892. Ol. 93–108.
- Munkácsi* 1893 – Munkácsi B. Adalékok az ugor-szamojéd nyelvhasználathoz. *Nyelvtudományi Közlemények*, 1893. Kt. 23. Ol. 87–93.
- Munkácsi* 1901 – Munkácsi B. *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben*. Budapest, 1901. 672 ol.
- Munkácsi* 1905 – Munkácsi B. A Magyar őshaza kérdése. *Ethnographia*. 1905. Ol. 65–87.
- Munkácsi* 1905 – Munkácsi B. Seelenglaube und Totenkult der Wogulen. *Keleti Szemle*, 1905. Kt. VI. S. 98–132.
- Munkácsi* 1906 – Munkácsi B. Götzenbilder und Götzengeister im Volksglauben der Wogulen (I–II.). *Keleti Szemle*, 1906. Kt. VII. S. 89–115, 177–226.
- Munkácsi* 1909 – Munkácsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie (IV.). *Keleti Szemle*, 1909. Kt. X. S. 61–83.
- Munkácsi* 1978 – Munkácsi B. Bericht über meine linguistische Studienreise im Lande der Wogulen. *Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae*, 1978. Tom. 27. S. 151–200.

Литература

- Архипов 1987 – Архипов Г.А. О встречах с информантами Б. Мункачи, их родственниками и земляками // *Венгерские ученые и пермская филология*. Устинов, 1987. С. 72–75.
- Вамбери 1885 – Вамбери А. *Путешествие по Средней Азии: описание похода из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд*. Санкт-Петербург: тип. Ю.А. Бокрама, 1885. 240 с.
- Владыкин 1987 – Владыкин В.Е. Бернат Мункачи и вопросы удмуртской этнографии // *Венгерские ученые и пермская филология*. Устинов, 1987. С. 25–34.
- Денисов 2015 – Денисов В.Н., Загребин А.Е. «Забывшие голоса» Первой мировой войны // *Вопросы истории*, 2015. № 10. С. 130–136.
- Загребин 2005 – Загребин А.Е. Казань как центр финно-угорской этнографии // *Studia Slavica Finlandensia*, 2005. Т. 22. С. 96–117.
- Загребин 2006 – Загребин А.Е. *Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.)*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 321 с.
- Загребин 2009 – Загребин А.Е. «Тюрко-угорские войны» в контексте проблемы этнической идентификации народов Среднего Поволжья и Приуралья. *Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева*. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 34–36.
- Загребин, Владыкин 2004 – Загребин А.Е., Владыкин В.Е. Торо удмуртской этнографии // *Г.Е. Верецагин и взаимодействие культур Урало-Поволжского региона*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 19–23.
- Ислаев 2005 – Ислаев Ф.Г. К вопросу об исторических предпосылках системы Н.И. Ильминского // *Studia Slavica Finlandensia*, 2005. Том. 22. Р. 51–59.
- Козмач, Егоров 2015 – Козмач И., Егоров А.В. Бернат Мункачи и начало полевых работ в венгерской лингвистике // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2015. № 9. С. 171–176.
- Кузнецов 1884 – Кузнецов С.К. Заметки по поводу реферата Г.Н. Потанина «У вотяков Елабужского уезда» // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*, 1884. Т. 3. С. 411–419.

- Попов 2005 – Попов Н.С. Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // *Финно-угроведение*, 2005. № 1. С. 58–78.
- Rittich 1870 – Риттих А.Ф. *Материалы для этнографии России: Казанская губерния*. Казань, 1870. Вып. 14. Т. 1–2. 109 с., 225 с.
- Роцевская, Чернышева 1987 – Роцевская Л.П., Чернышева В.Я. Русские и зарубежные журналы начала XX века о путешествиях Б. Мункачи и Д.Р. Фокош-Фукса к финно-угорским народам России // *Венгерские ученые и пермская филология*. Устинов, 1987. С. 109–114.
- Beke 1938 – Beke Ö. *Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern*. Helsinki, 1938. 16 s.
- Kodolányi 1968 – Kodolányi (jr) J. Antal Reguly. *Popular beliefs and folklore tradition in Siberia*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. P. 17–26.
- Korhonen 1987–1988 – Korhonen M. Budenz József tudományos eredményei amai nyelvészet szemszögéből. *Nyelvtudományi Közlemények*, 1987–1988. Kt. 89. Ol. 109–124.
- Kozmács 2008 – Kozmács I. *Megvalósult gyermekálmom. Munkácsi Bernát udmurtföldi útja*. Pozsony: AB-ART, 2008. 487 ol.
- Kozmács 2010 – Kozmács I. *The life of Bernát Munkácsi*. Budapest: Pytheas, 2010. 203 p.
- Lach 1917 – Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener im August und September 1916*. Wien, 1917.
- Lach 1918 – Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917*. Wien, 1918.
- Vámbéry 1885 – Vámbéry H. *Das Türkenvolk. Ethnologischen und ethnographischen Beziehungen*. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. 638 s.
- Wichmann 1930 – Wichmann Y. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1930. Vol. 44. S. 10–19.
- Wiedemann 1851 – Wiedemann F.J. *Grammatik der Wotjakischen Sprache*. Reval, 1851. 291 s.
- Zagrebin, Šmigel', Žerebtsov 2017 – Zagrebin A.J., Šmigel' M., Žerebtsov I.L. “Zabudnuté hlasy” prvej svetovej vojny: fonografické nahrávky zajatcov v Rakúsko-Uhorsku a Nemecku (1915–1918) na príklade zajatých Udmurtov. *Museologia a kultúrne dedičstvo*, 2017. Vol. 5. № 1. S. 29–42.

References

- Wichmann, Y. 1930. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 44: 10–19.
- Kozmács, I. 2010. *The life of Bernát Munkácsi*. Budapest: Pytheas.
- Vamberi, A. 1865. *Puteshestvie po Srednei Azii: opisanie pokhoda iz Tegerana cherez Turkmen-skiyu step' po vostochnomu beregu Kaspiiskogo morya v Khivu, Bukharu i Samarkand* [Journey through Central Asia: a description of a hike from Tehran through the Turkmen steppe along the eastern shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand]. St. Petersburg: print. Yu.A. Bokram.
- Vámbéry, H. 1885. *Das Türkenvolk. Ethnologischen und ethnographischen Beziehungen* [The Turk people. Ethnological and ethnographic relationships]. Leipzig: F.A. Brockhaus.
- Korhonen, M. 1987–1988. Budenz József tudományos eredményei amai nyelvészet szemszögéből [József Budenz's scientific results from the point of view of amai linguistics]. *Nyelvtudományi Közlemények* 89: 109–124.
- Zagrebin, A.E. 2009. «Turko-ugorskie voiny» v kontekste problemy etnicheskoi identifikatsii narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya [«Turkic-Ugric wars» in the context of the problem of ethnic identification of the peoples of the Middle Volga and Ural region]. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: II Kuzeevskie chteniya* [Ethnos. Society. Civilization: II Kuzeev readings], 34–36. Ufa.
- Kozmács, I. 2008. *Megvalósult gyermekálmom. Munkácsi Bernát udmurtföldi útja*. Pozsony: AB-ART.
- Zagrebin, A.E. 2005. Kazan' kak tsentr finno-ugorskoj etnografii [Kazan as the center of Finno-Ugric ethnography]. *Studia Slavica Finlandensia* 22: 96–117.
- Kodolányi (jr), J., and A. Reguly. 1968. *Popular beliefs and folklore tradition in Siberia*, 17–26.

- Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Munkácsi, B. 1883–1884. *Votják nyelv tanulmányok* [They take language studies]. *Nyelvtudományi Közlemények* 18: 428–447.
- Wiedemann, F.J. 1851. *Grammatik der Wotjakischen Sprache*. Reval.
- Islaev, F.G. 2005. K voprosu ob istoricheskikh predposylkakh sistemy N.I. Il'minskogo [On the question of the historical background of the system N.I. Il'minsky]. *Studia Slavica Finlandensia* 22: 51–59.
- Uvarov A.N. (ed). 1983. *Podarok Munkachi. Pesni i skazaniya* [Gift of Munkachi. Songs and legends]. Izhevsk: Udmurtia.
- Popov, N.S. 2005. Vklad S.K. Kuznetsova v izuchenie traditsii mariitsev i udmurtov [The contribution of C.K. Kuznetsova in the study of the traditions of the Mari and Udmurts]. *Finno-ugrovedenie* 1: 58–78.
- Rittikh, A.F. 1870. *Materialy dlya etnografii Rossii: Kazanskaya guberniya* [Materials for ethnography of Russia: Kazan Province]. Kazan.
- Kuznetsov, S.K. 1884. Zametki po povodu referata G.N. Potanina «U votyakov Elabuzhskogo uezda» [Notes on the abstract G.N. Potanin «At the wot of Elabuga district»]. *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 3: 411–419.
- Zagrebin, A.E., and V.E. Vladykin. 2004. Töro udmurtskoi etnografii [Töro Udmurt ethnography]. In *G.E. Vereshchagin i vzaimodeistvie kul'tur Uralo-Povolzhskogo regiona* [G.E. Vereshchagin and the interaction of cultures of the Ural-Volga region], 19–23. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN.
- Kozmach I., and A.V. Egorov. 2015. Bernat Munkachi i nachalo polevykh rabot v vengerskoi lingvistike [Bernat Munkachi and the beginning of field work in Hungarian linguistics]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 9: 171–176.
- Roshchevskaya, L.P., and V.Ya. Chernysheva. 1987. Russkie i zarubezhnye zhurnaly nachala XX veka o puteshestviyakh B. Munkachi i D.R. Fokosh-Fuksa k finno-ugorskim narodam Rossii [Russian and foreign journals of the early 20th century on travels B. Munkachi and DR. Fokosh-Fuchs to the Finno-Ugric peoples of Russia]. *Vengerskie uchenye i permskaya filologiya* [Hungarian scientists and Perm philology], 109–114. Ustinov.
- Munkácsi, B. 1887/ *Votják népköltészeti hagyományok* [They are traditions of folk poetry]. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Munkácsi, B. 1890–1896. *A votják nyelv szótára* [The Votian language dictionary]. Vol. 1–4. Budapest.
- Zagrebin, A.E. 2006. *Finno-ugorskie etnograficheskie issledovaniya v Rossii (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Finno-Ugric ethnographic studies in Russia (XVIII – first half of the XIX century)]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN

Alexei V. Zagrebin. Bernát Munkácsi and Finno-ugric studies in Hungary at the turn of 19–20 centuries

The article presents a chronology of scientific research of the Hungarian linguist and ethnographer who studied Finno-Ugric peoples – Bernát Munkácsi (1860–1937). The first scientific trip of B. Munkácsi took place in the summer of 1880 to the Hungarians speaking the Csángó dialect in Moldova province. The route of the expedition in 1885 led him to different ethnographic groups of the Udmurts. The longest trip was taken in 1888 to the Northern Urals and Western Siberia to the Ob-Ugric peoples. A special place is occupied by the analysis of his collecting work among prisoners of war during the First world war. The author of the fundamental volumes of folk poetry and ethnographic texts about Udmurts and Mansi, Munkácsi went down in the history of Finno-Ugric studies as one of the pioneers of field research and a humanist.

Keywords: *Bernát Munkácsi, Finno-ugric studies, Hungary, Udmurts, Ob-Ugrians, field work, First world war.*